ПРАВО СИЛЬНОГО

ЧУЖОЙ УСТАВ

КНИГА 2

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Михаил Капралов

Право сильного. Чужой устав. Книга 2

«Автор»
2026

Капралов М. А.

Право сильного. Чужой устав. Книга 2 / М. А. Капралов — «Автор», 2026

Императорская академия магии живёт по собственным правилам. Здесь происхождение порой важнее способностей, а влиятельные семьи привыкли получать желаемое.Демьян Ильин совершенно не подходит для такой системы.Пока одни студенты борются за положение в обществе, он развивает свои способности, строит бизнес и разбирается с теми, кто считает его лёгкой добычей.Но за привычными интригами обнаруживается нечто опаснее — следы старых экспериментов и тайна, которая может оказаться связана с самим Демьяном.

© Капралов М. А., 2026
© Автор, 2026

Михаил Капралов
Право сильного. Чужой устав. Книга 2

ПРАВО СИЛЬНОГО
ЧУЖОЙ УСТАВ
Книга 2 в серии

Глава 1. У кого здесь ключи

В первый день обучения Императорская академия прикладной магии попыталась победить меня при помощи анкеты.

На вступительных экзаменах подобного оружия не выдавали. Там всё было честнее: либо ты сумел удержать защиту, либо получил учебным зарядом по зубам. В регистрационном корпусе действовали другие правила. Здесь человек мог пережить аномальный прорыв, поступить на бюджет, а затем окончательно сломаться на пункте о семейном положении.

— У вас написано «не состоит», — сказала женщина за стойкой. — А требуется «не состоял».

— Простите, мне восемнадцать. Если я когда-нибудь женился, то без участия сознания. Неужели вы считаете такую сделку действительной?

— Молодой человек, не надо умничать.

— Это сложно. Я с детства плохо переношу необоснованные запреты.

Женщина сняла очки. В очереди позади меня кто-то обречённо застонал. Я уже собирался выяснить, предусмотрена ли у академии услуга платной эвакуации из регистрационного отдела, когда на стойке зазвонил внутренний телефон. Регистратор выслушала собеседника, поджала губы и молча придвинула мне карту доступа.

Победа вышла убедительной, хотя я до сих пор не понимал, кто именно её одержал.

— Общежитие, четвёртый корпус. Учебное расписание в приложении. Курение запрещено.

— А огненные шары?

— Только на полигоне.

— Значит, сигарета опаснее. Прелестное место.

Я забрал документы и вышел во двор.

Москва встретила меня сыростью, солнцем, запахом жареного теста и таким количеством родовых гербов, что хотелось немедленно открыть лавку по продаже фамильной гордости. Между корпусами прохаживались студенты. Одни с интересом изучали новое окружение; другие уже смотрели на него как на собственную недвижимость. Мимо прошла девушка в дорогой форме, за ней следовал молодой человек с тремя сумками. Он пытался одновременно говорить по телефону, удерживать чемодан и не наступить хозяйке на каблук.

— Милый, — обратилась ко мне девушка, — где здесь корпус международных дисциплин?

Я показал направление.

— А сумки донести не хочешь?

— До корпуса? Нет. А вот до ближайшей мусорной площадки могу. Бесплатно.

Она смерила меня взглядом, которым обычно награждают испорченные приборы, и ушла. Молодой человек с чемоданами посмотрел с неожиданной благодарностью. По-видимому, впервые за утро кто-то вслух сообщил его начальнице неприятную новость.

Телефон завибрировал. Громова напоминала о встрече.

Собственный бизнес — замечательная вещь, если в нём есть человек, способный заниматься собственно бизнесом. «Ильин-Тех» больше не требовал моего ежедневного присут-

ствия возле каждого станка, но окончательно передать управление я намеревался лично. Не хотелось однажды обнаружить, что пока я сдавал зачёт, предприятие заложили, продали и превратили в благотворительный фонд имени какого-нибудь князя.

В арендованном офисе пахло кофе и свежей краской. Софья Николаевна Громова сидела за столом с выражением лица, которое заставило бы повиниться даже исправный кассовый аппарат. Рядом расположились Марина и Ирина. Тихий изучал что-то на телефоне.

— Господин Ильин, — начала Громова, — мне нужны полномочия, а не декоративная должность.

— А мне нужен директор, а не человек, который будет звонить по поводу покупки каждой отвёртки. Кажется, у нас намечается прекрасное сотрудничество.

— Лимиты по займам, право подписи, взаимодействие с охраной и допуск к разработкам, — перечислила она, подвигая документы. — Всё должно быть письменно.

Мы разобрались за полчаса. Крупные кредиты и продажа доли — только с моего согласия. Текущие закупки, зарплаты, найм и производство — на усмотрение Громовой. Марина отвечала за техническую пригодность изделий, Ирина — за безопасность. Тихому, как обычно, досталось самое интересное: устранять проблемы, которые ещё не стали официальными.

— Есть ещё одна, — сказала Громова, когда мы закончили. — Два поставщика получили угрозы. Вчера экспедитору разбили машину. Полиция приняла заявление.

Ирина положила передо мной снимки. Фотографий было три. Погнутая дверь фургона, разбитое стекло, двое мужчин у ворот складской площадки. На последнем кадре один из гостей развернулся к камере, но не стал закрывать лицо. Уверенный в себе человек. Или плохо обученный.

— Кого-то из наших тронули?

— Водитель отделался ушибами. Пока, — ответила Ирина.

— Меня интересует не только «пока». Выясни, на кого работают эти двое. Без самодеятельности возле цеха. Если их хозяева считают, что мы продаёмся, пусть сначала назовут цену.

— Ты собираешься торговаться? — спросила Марина.

— Разумеется. Некоторые предложения удобно выслушивать. Особенно когда человек добровольно рассказывает, сколько у него денег и от чьего имени он разговаривает.

Громова изучала меня без улыбки. Её интересовали работающие станки и люди с нормальной зарплатой. Подробности моей личной переписки с преступным миром не относились к должностной инструкции.

— Юристы продолжат работу, — сказала она.

— Именно на это я и рассчитываю.

На парковке Ирина догнала меня у машины.

— Одну фамилию уже слышала, — сказала тихо. — Климов. В Твери подмял перевозчиков. Сейчас пытается залезть в магические поставки.

— Кто над ним?

— Пока выясняю. Похоже, сами деньги московские.

Я посмотрел на снимок человека у ворот.

— Тогда начинай с Москвы. Тверские умельцы редко просыпаются с мечтой купить чужой завод без подсказки из столицы.

— И что мне делать, когда найду?

— Позвонить мне. А ты, Ирина, оставайся с людьми. За это я тебе и плачу.

Она кивнула. Мы оба знали, что с разговорами на эту тему я не затяну.

* * *

Общежитие оказалось приличнее многих гостиниц, в которых мне доводилось жить. Две кровати, два стола, отдельный душ и окно на парк. У второй кровати возился Руслан. Мы

познакомились на вступительных испытаниях, поэтому необходимости изображать восторг от встречи не возникло.

— Думал, тебя Берестовы заберут, — сказал он.

— Они тоже думали. Теперь у нас общий повод для разочарования.

Руслан усмехнулся и продолжил распаковывать вещи. Его родители были инженерами из Казани; хорошая привычка не поклоняться чужому титулу досталась ему, вероятно, по наследству. На полке стояли тренировочные грузики и стопка учебников.

— Где оружие? — спросил я.

— В академии же запрещено.

— До чего опустилось образование. Раньше хоть какое-то уважение к традициям было.

— Ты и без оружия найдёшь способ испортить нам учёбу.

— Вижу, мы поладим.

Через час пришла Марфа. В отличие от нас, она уже разобралась с расписанием и явилась с намерением спасти двух недоумков от гибели в бюрократических дебрях.

— Вечером общий сбор первокурсников, — сообщила она. — Деканат просит присутствовать.

— Просит или приказывает?

— Просит.

— Тогда пусть побудет без меня. У меня на вечер другие культурные мероприятия.

— У тебя даже вещи не разобраны.

— Разложить носки можно и завтра. А вот хороший вечер дважды не предложат.

Марфа закатила глаза. Руслан оторвался от телефона.

— Какие мероприятия?

— Ещё не знаю. В этом и заключается их прелесть.

Собрание мы всё-таки посетили. Полчаса слушали о чести академии, великой роли молодых магов и недопустимости порчи имущества. Особенно последним пунктом я заинтересовался. Судя по списку штрафов, разрушить тренировочную стену обходилось дешевле, чем испортить статую основателя. Мёртвых здесь ценили выше живых и даже умудрялись вести этому бухгалтерский учёт.

После выступления декана студенты разошлись по двору. Возле фонтана собралась компания из десяти человек. Кто-то включил музыку, на ступенях появилась бутылка весьма приличного вина. Я уже собирался оценить уровень местного гостеприимства, когда заметил девушку с короткими тёмными волосами. Она стояла в стороне, прислонившись к каменной колонне, и внимательно наблюдала за спором двух аристократов.

— Не подходи к ним, — сказала она, когда я остановился рядом. — Слева Волконский. Справа мальчик, который мечтает стать Волконским по духу, но пока не получается.

— А ты у нас штатный эксперт по семейным трагедиям?

— Влада Корнеева. Второй курс, боевая подготовка. А ты, кажется, Ильин?

— К сожалению, слухи распространяются быстрее хороших предложений.

Она рассмеялась. Было ей девятнадцать, может, двадцать; уверенная осанка, чистые глаза, спокойная привычка держать собеседника в поле зрения. Красивой она была без тех излишеств, которыми богатые студентки обычно пытались убедить окружающих в собственной исключительности. Мне понравилось.

— Тебя уже обсуждали, — сказала Влада. — Отказался от княжеского покровительства, устроил скандал на вступительных и вроде бы владеешь заводом.

— Небольшим. До мировой промышленной империи не дотягивает. Но если задержишься рядом, сможешь лично наблюдать моё становление.

— Самоуверенный.

— Нет, просто люблю оптимистичные знакомства.

Она посмотрела на меня чуть внимательнее.

— Мы сегодня едем в город. Не в академическую столовую, а в нормальное место. Музыка, танцы, еда. Страшных экзаменаторов нет. Сможешь прожить вечер без попытки кого-нибудь оскорбить?

— Не обещаю чудес. Но ради интересной компании готов попробовать.

— Тогда в девять у северных ворот. С собой — хорошее настроение и деньги.

— Какое счастье, что не диплом.

Она ушла к своим приятелям. Марфа, наблюдавшая за разговором, подошла ко мне с таким выражением лица, будто только что увидела будущую причину университетского скандала.

— Ты хоть раз думаешь, прежде чем связываться с людьми?

— Обычно да. Особенно если люди симпатичные.

— Корнеева не из тех, кто будет терпеть твою наглость.

— Прекрасно. С покорными скучно.

Руслан посмеялся и заявил, что тоже поедет. Марфа подумала три секунды и сказала, что не собирается оставлять нас без присмотра.

Мне нравилась академия. Ещё не начались занятия, а полезные люди уже находились сами.

* * *

Первую пару вёл Мещерский. Профессор оказался сухим, требовательным и удивительно лишённым желания хвалить студентов за красивые родословные. Мне он понравился сразу.

— Стихия сама по себе ничего не стоит, — сказал он. — Значение имеют контроль, скорость, расход и возможность повторить действие. Если на одну эффектную вспышку вы истратите резерв, в настоящем бою второго шанса не будет.

На демонстрационном столе стояли чаши с водой, металлические пластины и подвижные мишени. Нас заставили выполнить несколько стандартных упражнений. Руслан уверенно поставил воздушный щит. Марфа без труда согнула металлическую ленту. Один наследник произвёл огненный шар размером с собственное самомнение и чуть не сжёг край стола.

— Данилов, — сказал профессор, — в следующий раз сначала предупредите пожарную охрану, а потом начинайте размышлять о величии предков.

Аудитория зашлась смехом. Данилов обиделся. Я отметил преподавателю мысленный плюс.

Мне достались три движущиеся мишени. Первую снял коротким воздушным ударом, вторую — ледяной пластиной. Третья резко сменила траекторию. Вместо того чтобы гоняться за ней заклинанием, я поставил на пути узкую каменную преграду. Мишень перепрыгнула её и попала в водяную петлю, которую я успел сформировать над уступом. Сработало.

Но удовольствие закончилось быстро. Источник дёрнулся неприятным холодом, перед глазами потемнело. Я отпустил технику раньше, чем захотелось изображать из себя чудо природы.

— Ильин, — сказал Мещерский, — вы умеете усложнять задания. Научитесь ещё выполнять их без угрозы собственному здоровью.

— Работаю над этим.

— Работайте быстрее. И экономнее.

Мещерский отправил нас на следующий норматив. Я не возражал: каждую технику предстояло однажды проверять не на учебном стенде.

Во время перерыва по коридору пронёсся паренёк в форме хозяйственного отделения. За ним бежали двое старшекурсников. Один метнул ему в ноги короткую воздушную петлю. Парень рухнул, коробка с учебными накопителями разлетелась по полу.

Я остановился у окна. Руслан замедлил шаг.

— Что происходит?

— Традиционное академическое развлечение, — сказал кто-то рядом. — Они у него пропуск отобрали.

Старшекурсник схватил упавшего за ворот и потребовал извиниться за то, что тот якобы не уступил дорогу.

— Отпусти, — сказал Руслан.

Парень поднял голову, увидел нас и ухмыльнулся.

— А ты кто такой?

— Человек, который попросил отпустить.

Один из любителей родовой педагогики потянулся к магическому накопителю. Начни он палить в коридоре, и занятия отменят, а нас всех потащат по комиссиям. Очень хотелось обойтись без этого удовольствия.

Я шагнул сбоку, взял стоявший у стены металлический поднос и шлёпнул старшекурсника по кисти. Накопитель улетел к стене.

— До чего дошёл прогресс, — сказал я. — Даже дворянским воспитателям приходится объяснять устройство пальцев.

Его приятель развернулся ко мне и поднял ладонь. Я не стал ждать, пока он вспомнит формулу. Короткий воздушный толчок ударил в предплечье, другой — в колено. Парень врезался в перила и потерял охоту к разговору.

Первый попытался вскочить, но передумал, увидев рядом преподавателя.

— Что здесь происходит? — потребовал тот.

— Совершенно случайная демонстрация законов механики, — ответил я. — Молодые люди испытывали падение тяжёлых предметов.

Руслан наклонился за рассыпанными накопителями. Хозяйственный студент встал, потирая шею. Преподаватель осмотрел участников и велел всем явиться в дисциплинарную комиссию после занятий.

Замечательно. В академии всё-таки нашлось развлечение, не требующее выезда в город.

* * *

Ночью Москва выглядела куда привлекательнее дневной. Реклама отражалась в мокром асфальте; по проспектам скользили дорогие магические автомобили, а на углу возле клуба орал полупьяный мужчина, убеждённый, что его родословная является документом, позволяющим не платить за такси.

Клуб назывался «Грань». Снаружи — стекло, свет и охрана с выражением лица, будто внутри устраивали приём у императора. На деле обычное заведение: музыка, бар, танцпол, столики. Впрочем, музыка была хорошая, а бар не пытался выдать воду из-под крана за редкую княжескую настойку. Уже достойно уважения.

Влада приехала с двумя подругами. Одну звали Катя, другую — Полина. Обе совершеннолетние, весёлые, неплохо одетые и прекрасно осведомлённые о том, что после полуночи академическая дисциплина существует преимущественно на бумаге.

— Демьян, — представила меня Влада, — тот самый. Осторожно, язвит.

— Вы меня рекламируете как опасное животное. Хотя, признаться, за билетами в зоопарк я следил бы внимательнее.

Катя рассмеялась и потянула Руслана на танцпол. Марфа сначала заявила, что терпеть не может подобные места, а через двадцать минут уже спорила с Полиной, какая из музыкальных групп исполняет оригинал песни, надрывавшей колонки.

Я танцевал с Владой. Она двигалась свободно, уверенно, не изображая из себя дорогой экспонат. Когда музыка сменилась, мы оказались у стойки. Я заказал напитки.

— Говорят, ты опасный, — сказала она, проводя пальцем по холодному стеклу бокала.

— Для кого?

— Ты всегда отвечаешь вопросом?

— Не всегда. Иногда сразу выставляю счёт.

Она улыбнулась и наклонилась ближе.

— А с девушками как?

— С девушками у меня как раз прекрасно. Особенно когда они задают интересные вопросы.

Её поцелуй оказался неожиданно уверенным. Прелестная девушка. Я обнял её за талию и на некоторое время перестал интересоваться состоянием имперской магической науки.

К двум часам утра наши пути разошлись. Руслан с Катей отправились искать круглосуточную кофейню, Марфа и Полина поехали обратно в академию. Влада предложила проводить её. Я согласился.

В переулке за клубом трое мужчин прижали к стене парня в куртке обслуживающего персонала. Один держал его за ворот, другой бил в живот, третий курил. Сцена была бы совершенно заурядной, если бы курильщик не заметил нас и не сделал шаг наперерез.

— Слышь, красавчик. Мимо иди.

— С удовольствием. Вы только проход не занимайте.

— Тебе сказано, проваливай.

Он приблизился ещё на шаг. На шее виднелась татуировка — узкая серая полоса, разорванная посередине. Я запомнил её. Не из эстетического интереса.

Влада остановилась рядом, оценивая троицу.

— Демьян, не стоит.

— Согласен. Поздно, домой пора.

Мы уже повернули к улице, когда курильщик схватил девушку за руку.

— А ты останься. Поговорим.

Плохое решение. Я взял его за большой палец, резко повернул кисть и услышал короткий треск. Мужчина согнулся, выпуская сигарету. Другой рванул к нам. Воздушный удар отправил его в мусорный контейнер с такой силой, что крышка хлопнула, как на похоронах.

Третий достал складной нож. Я сдвинулся вбок, позволил ему сделать замах и встретил руку металлическим краем ближайшей двери. Нож упал. Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Он — с открытым ртом. Я — с некоторым разочарованием. Угрожать девушке было куда проще, чем действовать, когда ответ прилетает сразу.

— Ноги, — сказал я. — У всех троих они пока имеются. Пользуйтесь.

Парень у стены уже поднялся и, не дожидаясь второго приглашения, сбежал. Пострадавший с татуировкой прижимал руку к груди. На лице выступил пот.

— Ты хоть знаешь, на кого полез? — прошипел он.

— Пока только на коллекционера плохих решений. Но ты можешь представиться.

Он сплюнул под ноги.

— «Кромка» тебя найдёт.

— Передай, чтобы позвонили предварительно. Я не люблю неожиданных визитов, особенно от людей, которые плохо держат сигарету.

Влада потянула меня за рукав. Мы вышли из переулка под моросящий дождь. Она молчала до самого автомобиля.

— Ты даже не испугался, — сказала наконец.

— Троих плохо подготовленных идиотов? Влада, я сегодня сдавал контроль стихий в присутствии Мещерского. После такого люди с ножами кажутся очень доброжелательной публикой.

— Ты сломал ему руку.

— Он хотел поговорить. Теперь у него будет тема для обсуждения с врачом.

Она несколько секунд смотрела на меня, затем вдруг рассмеялась. Смех получился нервным, но настоящим.

— Ты совершенно ненормальный.

— Зато могу пригласить тебя на завтрак.

— Сейчас три ночи.

— Мне нравится основательность твоих возражений.

Мы договорились встретиться завтра. Когда она скрылась за дверью общежития, я вернулся к машине и открыл телефон. Ирина прислала свежую фотографию одного из людей, замеченных возле нашей мастерской. На шее у него была точно такая же серая полоска.

Вот ведь какая замечательная столица. Стоило выйти развлечься, как работа сама пришла в гости.

Я отправил Ирине сообщение: «Проверь Серую кромку. Москва. Татуировка — полоса с разрывом». Потом заказал кофе на ближайшей круглосуточной станции.

Утром требовалось явиться на занятия. Ничего страшного. Академия, судя по первому дню, прекрасно подходила для человека, который любит насыщенное расписание.

Глава 2. Не тех решили доить

Проснулся я от телефонного звонка. Не от будильника, хотя тот добросовестно пытался привлечь моё внимание уже минут десять. На экране светилось имя Ирины.

— Говори.

— Нашла «Серую кромку». Это не совсем банда. Скорее, набор отдельных групп, которым через одну контору дают заказы. От перевозок до силового сопровождения. В Твери у них Климов. В Москве свои люди.

— Татуировка?

— На исполнителях одного подразделения. Где ты её видел?

— В культурном заведении. Люди пытались расширить программу обслуживания посетительниц.

— Кому-нибудь понадобилась скорая?

— Нет. Обычные бытовые неудобства.

Ирина помолчала. Мы давно знали друг друга; её молчание редко означало доверчивость.

— Климов вчера снова звонил поставщику, — сказала она. — Теперь требует разорвать с нами договор до конца недели. Ночью кто-то пытался проникнуть в склад. Камеры записали машину, но охрана их спугнула.

— Понял. Передай Громовой, что я займусь этим. А сама не меняй порядок работы. Ни одного сотрудника не ставь на приманку.

— Что ты собираешься делать?

— Сначала позавтракаю.

Я отключился и несколько минут смотрел в потолок. За окном орал уборочный механизм: его колёса застряли в бордюре, и встроенный голос каждые десять секунд вежливо просил освободить проезд. Руслан лежал на соседней кровати и, судя по звукам, пытался проснуться изнутри подушки.

— Тебе кто-то звонил? — пробормотал он.

— Мама. Проверяет, надел ли шапку.

— У тебя же нет...

Он осёкся, вспомнив, что разговаривает с бывшим детдомовцем.

— Спи, — сказал я. — Мне пора преподавателей раздражать.

В столовой Марфа изучала расписание и смотрела на нас с выражением женщины, которой посчастливилось оказаться рядом с двумя умственно неполноценными мужчинами. Рядом сидела Влада. Она увидела меня, улыбнулась и подвинула свободный стул.

— Живой.

— Ты разочарована?

— После вчерашнего не была уверена.

— У меня организм молодой. Удивительно упорная штука.

Катя передала Руслану чашку. Тот немедленно проснулся окончательно. Я взял омлет и кофе. Марфа спросила, не планирую ли пропустить факультатив по защите. Я ответил, что пропускать собираюсь исключительно бесполезные мероприятия, а факультатив ещё не успел доказать свою принадлежность к этой категории.

Обычная академическая жизнь. Чужие разговоры, приятные лица, запах выпечки, студентка с мокрыми волосами, которая опоздала на первую пару и на ходу пыталась застегнуть форму. Я с удовольствием наблюдал, как она умудряется одновременно спорить с телефоном и искать пропуск. Иногда люди были интереснее магии.

На втором занятии нас свели в пары. Мне достался невысокий парень с фамильным кольцом и очень дорогим защитным браслетом. Он сразу заявил, что безродным здесь положено учиться молча.

Я молча сбил его с ног воздушным ударом.

— Начинаем сначала, — сказал преподаватель.

Парень поднялся и попытался замкнуть вокруг меня защиту. Я сделал шаг в сторону и поставил ему перед ботинком ледяной выступ. Он споткнулся, потерял форму и снова оказался на полу.

— Ильин, — произнёс преподаватель, — ваша задача не унизить партнёра.

— Простите. А я уже подумал, что у него такой персональный учебный план.

На третьем повторении соперник наконец перестал болтать и начал работать. Победить его стало сложнее. Защита у парня действительно была хорошей. Признавать это вслух я не собирался, но запомнил, как он меняет угол щита. Полезный приём.

После занятий я поймал Владу у лестницы. Она согласилась на ужин в пятницу. Заодно сообщила, что мои вчерашние знакомые из переулка иногда работают охраной в клубах и для людей, которые не любят давать интервью полиции.

— Серьёзные ребята? — спросил я.

— Обычные сволочи. Только за ними кто-то стоит. А почему спрашиваешь?

— Люблю московские традиции. Особенно те, от которых люди предпочитают отказываться по собственной инициативе.

Ей явно хотелось задать ещё несколько вопросов. Вместо этого она поцеловала меня и пошла на пару. Разумное решение. Не всякое любопытство требует немедленного удовлетворения.

* * *

В Тверь я выехал вечером. До этого успел получить от Громовой отчёт по договорам, поговорить с Волковым и дважды поспорить с академическим пропускным автоматом, который убеждал меня, что посещать занятия полезнее, чем покидать территорию. На третий раз он всё-таки открыл турникет.

Тихий встретил меня на вокзале. Машина пахла мятной жвачкой и дорогим кожаным салоном. На заднем сиденье лежала папка с фотографиями.

— Климов снял ресторан для переговоров, — сообщил он. — Охрана с ним постоянно. Говорят, у него теперь покровители из Москвы.

— Прекрасно. Я как раз хотел познакомиться с современной столичной культурой делового общения.

Мы заехали к Ирине. На предприятии горел свет, инженеры ещё работали. Марина возилась возле холодильного накопителя и даже не повернула головы, когда я вошёл.

— Если ты снова собираешься устроить побоище, не возле цеха, — сказала она.

— Какое несправедливое обвинение. Я приехал посмотреть, как у вас дела.

— Дела хорошо. Если нам перестанут разбивать машины, станут ещё лучше.

Громова встретила меня в переговорной. Она показала претензии, обращения в полицию и переписку с двумя поставщиками, которым угрожали. Ничего неожиданного. Климов пытался принудить компанию к продаже через привычную последовательность: неудобства, страх, предложение «защиты», новый договор.

— Нам предлагают посредническое соглашение, — сказала директор. — Сначала комиссия за поставки. Потом право согласовывать покупателей. Через полгода окажемся зависимы от неизвестной фирмы.

— Откажитесь официально. Письменно и без эмоций.

— Уже отказались.

— Отлично. Бумаги пригодятся.

Она посмотрела на меня так, словно пыталась понять, почему человеку, которому грозят бандиты, вдруг понадобилась правильная бухгалтерия. Я не стал разочаровывать её догадками.

Ирина передала новые снимки. На одном Климов сидел возле окна ресторана. На другом разговаривал с мужчиной в светлом пальто. Лицо второго было закрыто, зато на запястье виднелся браслет с заводским логотипом фирмы — одного из подрядчиков, с которыми сотрудничали предприятия Берестовых.

— Прямой связи с родом нет, — предупредила Ирина.

— Я и не собираюсь устраивать князьям семейное собрание. Пока нужен тот, кто платит этим придуркам.

Я убрал фотографию в карман. Интереснее денег было другое: люди, охотившиеся за нашей компанией, явно искали не только прибыль. Слишком уж настойчиво они интересовались технологиями накопителей. Это не делало их умнее. Просто подсказывало, что за первым разговором последуют другие.

* * *

Климова я нашёл в небольшом ресторане у промзоны. Он сидел перед недоеденным стейком, окружённый тремя охранниками. Широкое лицо, аккуратная борода, перстень с чёрным камнем. Человек, которому слишком давно не говорили «нет».

Я сел напротив.

— Дмитрий Викторович? Демьян Ильин. Владелец предприятия, которое вы настойчиво пытаетесь сделать своим.

Климов оглядел меня и усмехнулся.

— Мальчик, тебе лучше вернуться в школу.

— Только оттуда. Вынужден признать: школьные хулиганы там куда изобретательнее.

Охранник у окна сдвинулся на стуле. Другой положил ладонь под стол. Я видел обоих в отражении тёмного стекла и с удовольствием отметил, что охрана не мешает хозяину говорить глупости. В прежней профессии подобные телохранители считались щедрым подарком заказчику.

— У тебя мастерская в нашем секторе, — сказал Климов. — Хочешь работать — подпишешь договор с нужными людьми. Не хочешь — будем разговаривать иначе.

— Договор я посмотрел. Неплохой юмористический текст. Особенно пункт, по которому мои станки, поставщики и прибыль должны внезапно полюбить вас всей душой.

— Не умничай. Люди у тебя ходят по улицам. Девочки молодые. Всякое бывает.

Я положил на стол деньги за кофе.

— У вас сутки, чтобы прекратить давление. Можете потратить их на размышления о вечном.

— Или что?

— Или новые решения уже будут приниматься без вашего участия.

Климов рассмеялся. Охранник в отражении поправил руку под столом. Пистолет. Прекрасно. Теперь хотя бы не придётся гадать, чем именно этот ресторан заслужил такую дурную репутацию.

Я встал, попрощался с персоналом и вышел в дождь.

* * *

Ночью производственный корпус за железнодорожной веткой светился двумя окнами. Внутри играло радио, пахло маслом, мокрой древесиной и дешёвым табаком. Климов собрал людей для разговора с непокорным владельцем «Ильин-Теха». Вероятно, намеревался изложить мне второй вариант договора, в котором подписи ставили уже под угрозой оружия.

Я не стал выяснять подробности.

Охранник у боковой двери заметил движение слишком поздно. Погас его фонарь. Следом прозвучал короткий выстрел. Я вошёл внутрь, пока остальные пытались понять, почему снаружи наступила тишина.

В складском проходе один мужчина успел вскинуть пистолет. Воздушный удар оттолкнул ствол в сторону; пуля ушла в потолок. Второй шагнул из-за штабеля, и мне пришлось повернуться на месте, подставляя металлическую стойку между нами. В нынешнем теле не хватало прежней скорости. Я прекрасно видел его движение, но плечо отозвалось болью, когда попытался закончить его так, как привык. Удар пришёлся ниже намеченного.

Не трагедия. Просто поправка к расчёту.

Короткая каменная пластина разрезала свет под лампой. Мужчина упал. Я сменил позицию, не оставаясь там, где противник мог ожидать повторного появления. Раздались ещё два выстрела. Один пробил ящик с деталями, другой попал в стену за моей спиной. Я поднял перед собой щит всего на секунду, пропуская следующую пулю в сторону, и ответил огнём. Сухой хлопок, запах горелой ткани. Третий рухнул у ворот.

Климов бежал через дальний проход. Хорошо бежал, надо признать. Но стараться следовало раньше, желательно до подписания первого криминального контракта.

Я настиг его у мостового крана. Он успел достать пистолет, даже попытался повернуть ствол. Удар в кисть отправил оружие на бетон. Климов упал на колени и с неожиданной готовностью заговорил.

— Подожди! Есть люди выше меня. Деньги, счета, фамилии. Я всё скажу!

— Отлично. Рассказывай.

Говорил он быстро. В основном о собственной незначительности, что само по себе было правдой. Потом назвал два счёта, фирму-посредника и человека, от которого получал распоряжения. Евгений Мальцев. Московское звено «Серой кромки». Климову платили не за обычный рэкет: требовалось склонить «Ильин-Тех» к передаче разработок и контрольного пакета через сеть посредников. Если мирно не получится — добиться остановки производства и скупить остатки.

Я сверил несколько деталей с материалами Ирины. Совпадало.

— Всё! — выдохнул Климов. — Всё, что знаю. Отпусти, я исчезну!

— Не сомневаюсь. Особенно если кто-нибудь предложит за мою голову приличную сумму.

Он открыл рот, чтобы возразить. На этом разговор закончился.

Я вышел через боковую дверь, обошёл склад по тёмному двору и сел в машину, оставленную за соседним кварталом. Перчатка на правой руке порвалась. Неприятно. Хорошие перчатки стоили денег, а на занятиях по магии их и так приходилось менять чаще, чем хотелось.

Тихий ждал возле круглосуточного кафе.

— Закончилось? — спросил он, когда я сел.

— С Климовым — да.

— А вообще?

— Вообще у нас, кажется, намечается новый сезон интересного сериала. Московский. С большим бюджетом.

Я заказал горячий суп и посмотрел на телефон. Ирина уже получила от меня имя Мальцева и номера счетов. Через минуту пришёл ответ: «Приняла. Проверю. На предприятии спокойно».

Замечательно. Можно было возвращаться к учёбе. Утром у меня стояла пара по стихиям, а пропускать занятия ради чужой смерти я не собирался.

* * *

Москва. Той же ночью.

Евгений Мальцев не любил бессонные звонки. Особенно те, после которых приходилось менять планы.

Он сидел в кабинете над закрытым для посторонних залом клуба и рассматривал фотографии с тверского склада. Климов был мёртв. Вместе с ним погибла охрана и несколько местных исполнителей. Ни одна из камер не дала ясного изображения нападавшего. Зато счета, по которым шли выплаты, успели заблокировать ещё до приезда полиции.

— Один студент? — спросил Мальцев.

Напротив стоял управляющий московской группой. Тот нервно поправил манжету.

— Похоже. Демьян Ильин. Безродный. Первый ранг. Может, работал не один.

— «Может» меня не устраивает.

— Он связан с Волковым из ИСАК. И у него компания. Но по нашим данным, серьёзной охраны лично при нём нет.

Мальцев перелистнул ещё один снимок. Лицо молодое, почти мальчишеское. Обычная студенческая фотография на фоне академии. На втором кадре Ильин стоял рядом с молодой девушкой возле ночного клуба и что-то говорил, широко улыбаясь. Безмятежный человек. Такие часто оказывались самыми неприятными.

— Что по заказчику? — спросил управляющий.

— Заказчик платит за оборудование, не за похоронную музыку. Ему не нужны наши проблемы.

Мальцев взял телефон, набрал короткое сообщение и оставил его в черновиках. Слишком рано втягивать людей с фамильными гербами. Сначала нужно понять, кто именно испортил им тверскую операцию и почему этот человек ещё не понимает, сколько неприятностей себе приобрёл.

— Поднимите все связи Ильина в Москве, — велел он. — Академия, развлечения, деньги, друзья. Только осторожно. Не трогайте самого, пока не получим нормальное досье.

— А если он начнёт искать нас?

Мальцев посмотрел на него с выражением лёгкого раздражения.

— Тогда, Виктор, надеюсь, вы успеете объяснить своим людям, что этот мальчишка не любит предупреждать дважды.

Остался один, закрыл кабинет и посмотрел в окно. Над городом светились рекламы, внизу проезжали дорогие машины, а где-то за рекой стояли башни академии.

Мальцев не знал, что именно произошло в Твери. Но впервые за много лет почувствовал: чужой заказ, казавшийся простым, может оказаться значительно дороже суммы в договоре.

Глава 3. Академические развлечения

В Москву я вернулся к обеду и обнаружил, что за время моего отсутствия мир не рухнул. Академия по-прежнему стояла, студенты продолжали портить друг другу настроение, а зачет по основам боевого построения перенесли на четверг. Последнее было особенно приятно. Убивать людей по ночам и сдавать нормативы на следующее утро — занятие вполне посильное, но излишне напоминающее работу по графику.

В общежитии пахло чужим кофе и мокрыми кроссовками. Руслан сидел на моей кровати и пытался собрать из двух сломанных накопителей один исправный. Делал это с той уверенностью, с какой неопытные саперы открывают подозрительные чемоданы.

— Убери эту дрянь с постели, — попросил я. — Мне иногда хочется спать без перспективы проснуться в виде удобрения.

— Они разряжены.

— Так и люди, которых я вчера видел, были мертвы. Не помешало одному из них ещё минуту дёргать ногой.

Руслан посмотрел на меня поверх очков.

— Где ты был?

— По делам предприятия.

— В Твери?

— Там.

— Слышал, на окраине пожар. Склад, несколько погибших. В новостях пишут, что криминальные разборки.

— Впервые слышу, чтобы новости ошибались настолько редко.

Он положил отвёртку. Вопрос у него был, и довольно неприятный. За прошедшее время Руслан достаточно хорошо изучил мою манеру отвечать на вопросы, чтобы понять: от подробного допроса пользы не будет.

— Главное, чтобы твои дела сюда не приехали, — произнёс он наконец.

— В Москве и без меня полно людей с дурными манерами. Если все решат записаться в гости, коменданту придётся расширять вахту.

Я забрал у него накопители и поставил на стол. Один действительно был пуст. У второго на корпусе обнаружилась почти незаметная трещина. Показал Руслану.

— Вот здесь. Не включай. Верни в лабораторию, пусть спишут. Ещё одна неудачная идея — и будешь объяснять Марфе, куда делись твои брови.

— Ты мог бы просто сказать спасибо, что я посмотрел твой старый комплект.

— Спасибо. Заодно спасибо, что не взорвал кровать. Весьма высоко ценю инициативу, не заканчивающуюся вызовом пожарных.

Он фыркнул и ушёл на занятие. Я успел переодеться, заказать нормальный обед и прочитать сообщение от Ирины. В Твери было тихо. Полиция работала на складе Климова, юристы компании передали документы по вымогательству, а поставщики внезапно вспомнили, что деловые отношения следует строить на взаимном уважении.

Как быстро иногда растёт культура предпринимательства.

Следующее сообщение пришло от Влады. «В пятницу ужин. Надеюсь, ты помнишь?»

«Сложно забыть, когда хорошенькая девушка сама назначает дату. Буду в восемь».

«Только без приключений».

«Не люблю давать заведомо невыполнимые обещания».

Ответом стал смеющийся значок. Кажется, перспектива иметь дело с заведомо ненормальным студентом её не пугала. Впрочем, люди влюбляются и в более странные вещи. Некоторые, например, искренне любят политические дебаты.

К третьему часу я добрался до тренировочного корпуса. На расписании значилась «контактная работа в условиях переменной защиты». В переводе с академического языка — позволить старшекурснику регулярно объяснять тебе, что жизнь несправедлива.

В зал меня провёл Станислав Ордынцев. Высокий, широкоплечий, коротко стриженный, с лицом человека, которому ещё в детстве объяснили, что противник не обязан падать после первого удара. На куртке — знак Проводника, второго ранга. Мы познакомились пару дней назад в столовой. Тогда он предложил прийти на открытую тренировку, и я с удовольствием согласился.

— Ильин, — кивнул он. — Живой. Уже неплохо.

— Приятно, когда тебя оценивают по достижимым нормативам.

— Сегодня работаешь со мной.

— А других вариантов нет? Может, у вас здесь кто-нибудь хромой или хотя бы пьющий?

— Не переживай. Я постараюсь оставить тебе возможность жаловаться.

Судя по веселым лицам студентов вокруг, Ордынцев умел доводить эту тренировочную программу до совершенства.

Зал был устроен без показной роскоши: серые плиты, разметка, защитная сетка под потолком, кабинка медицинского наблюдателя. На стене висело табло с фамилиями участников. Здесь действительно тренировались, а не демонстрировали семейные гербы. Для столичной академии — почти революционное решение.

Перед началом подошёл Мещерский. Профессор был в том же строгом костюме, что и на лекции. В руках держал планшет, который по степени угрозы окружающим вполне мог соперничать с боевым накопителем.

— Разница рангов будет учтена, — сообщил он. — Ордынцев использует не более трети доступного резерва и ограничивает мощность. Ильин работает в полный учебный допуск. Удары в голову — только через защиту. На поражение суставов не работаем. Начнём с трёх минут.

— Разница рангов сохранится и после объяснения? — уточнил я.

— Если вам повезёт, вы сможете заметить, почему она существует.

— Прекрасный педагогический подход.

Я вышел на разметку. Ордынцев занял место напротив. Из него не исходило ни желания унизить меня, ни той театральной враждебности, которой обычно страдали юные наследники. Он собирался работать. Я тоже.

Сигнал прозвучал коротко.

Я первым послал воздушную волну — не мощную, зато широкую, в расчёте заставить его двигаться. Ордынцев сдвинулся на полшага, поставил щит ребром и пропустил волну вдоль себя. Ни лишнего движения, ни попытки показать силу. Тут же ответил плоским водяным ударом мне в грудь.

Я ушёл в сторону. По крайней мере собирался. Вода ударила в край защитной оболочки, потащила меня за плечо и почти развернула спиной. Пришлось разорвать собственный щит, иначе следующее движение закончилось бы особенно позорным приземлением.

— Дальше, — сказал Ордынцев.

Я отбил короткий ледяной снаряд, пустил ещё два с разных сторон и поднял у него под ногой каменный выступ. Он не стал спорить с камнем. Просто шагнул поверх, а ледяные осколки разбил быстрым металлическим диском. Материализовать металл ему не требовалось: из напольной кассеты вылетела учебная пластина.

На третьей секунде я понял, что моя любимая хитрость не работает. Противник успевал заметить её и ответить раньше, чем я заканчивал движение. У Ордынцева было больше резерва, больше опыта и нормальная привычка драться с магами, а не только с людьми, которые предпочитают пистолеты и ножи.

Он пошёл вперёд.

Я поставил ледяной клин, чтобы сорвать ему шаг. Ордынцев ударил по клину водой, сбил угол, а затем отправил в меня короткую ударную волну. Защита выдержала. Я — почти. Сапоги проехали по плите добрых полтора метра.

— Стоп, — произнёс Мещерский.

На табло горела первая отмеченная атака Ордынцева. Дальше мы продолжали уже без подсказок. Я попытался взять его скоростью, затем массой, потом заставить ошибиться лож-

ной атакой. Дважды почти получилось. В третий раз он поймал момент, когда я отвлёкся на собственную конструкцию, и приложил меня к полу широкой воздушной подушкой.

Резерв под грудиной отозвался неприятной пустотой. Я лежал на спине и любовался потолком. Академия умела напоминать о скромности убедительнее любого священника.

— По очкам девять — два, — объявил Мещерский. — Победил Ордынцев.

— Ваше благородие, — обратился я к победителю, протягивая руку, — разрешите узнать, не практикуете ли вы избиение младших по абонементу?

Он поднял меня, усмехаясь.

— По вторникам и четвергам. Для тебя сделаем скидку.

— Чудесно. Придётся брать годовой.

— Слишком рано пытаешься решать всё сложной формой, — сказал Ордынцев уже серьёзно. — Ты видишь несколько ходов, но не можешь их исполнить за то время, которое есть. Работай проще.

— И чаще.

— И чаще. Только не со мной каждый день. Я тоже люблю отдыхать.

За ограждением Марфа прислонилась к стойке рядом с Русланом. Она держала блокнот и смотрела на меня с отсутствием всякого сочувствия.

— Два очка, — сообщила она. — Поздравляю.

— Из девяти возможных моих похорон — семь прошли успешно. Есть повод для оптимизма.

— В отличие от некоторых людей ты хотя бы признаёшь, что тебя могут победить, — заметил Руслан.

— Если уж проиграл при свидетелях, отрицать — пустая трата времени. Лучше запомнить, почему.

В дальней части зала кто-то негромко хлопнул. Высокий темноволосый парень в безупречно чистой форме стоял рядом с двумя приятелями. Одежда на нём сидела так, будто перед выходом её утвердил отдельный семейный совет.

— Северин Платонов, — представился он, подойдя. — Неплохая импровизация для первого ранга.

— А вы явно знаете, как похвалить человека, не рискуя собственным положением.

— Это не похвала. Вы дважды открыли правый бок, когда пытались удержать пространственную форму. Против серьёзного мага вас убьют.

— Прекрасно. Запишу в расписание после обеда.

Платонов не рассмеялся. Зато спокойно продолжил:

— Ордынцев не использовал даже половины скорости. Не советую считать два очка доказательством превосходства ваших нестандартных техник.

— И не собирался. Вы пришли помочь моему воспитанию или хотите поучаствовать лично?

— Просто наблюдаю. Любопытно, сколько времени понадобится человеку без фамилии, чтобы понять цену дисциплины.

— Думаю, вы узнаете раньше меня. У вас, судя по костюму, дисциплину гладят по утрам вместе с воротником.

Платонов поднял бровь и ушёл. Без оскорблений в ответ, без вызова на дуэль. Я проводил его взглядом с интересом. Парень оказался куда умнее тех, кто при виде безродного немедленно требовал кровавого возмездия за испорченный воздух.

— Ты опять нашёл себе друга, — пробормотала Марфа.

— У меня талант. Особенно к тем, кто пока об этом не знает.

В коридоре меня догнал Мещерский.

— Ильин, зайдите завтра к Черкасову. Он согласился посмотреть результаты вашей работы с нестандартными формами.

— Сколько времени это займёт?

— Ровно столько, сколько потребуется на проверку. Он не собирается учить вас чудесам. И не забывайте обычные предметы.

— У меня завтра экономика.

— Вот её и не пропускайте. Владелец предприятия должен хотя бы приблизительно понимать, что именно подписывает.

Я поблагодарил профессора. Учебное заведение, в котором преподаватели не только учили, но и иногда говорили разумные вещи, начинало вызывать подозрения.

* * *

В пятницу вечером столичная жизнь окончательно оправдала мои ожидания.

Влада выбрала ресторан на крыше гостиницы, где официанты двигались бесшумно, а цены отличались от обычных примерно на стоимость небольшого самолёта. Снаружи открывался вид на ночную Москву: светящиеся башни, серые силуэты старых зданий, рекламные платформы и тонкие линии защитных контуров над правительственным кварталом. Красиво. Трудно спорить с городом, в котором человеческое тщеславие хотя бы умеют подсвечивать.

Влада пришла в тёмно-зелёном платье, без учебного значка и с распущенными волосами. Увидев меня, остановилась возле столика и придирчиво оглядела.

— Ты умеешь выглядеть прилично.

— Это профессиональный навык. Обычно помогает не напугать людей раньше времени.

— Надеюсь, сегодня он понадобится только для ужина.

— Я тоже надеюсь. Слишком дорогой ресторан, чтобы портить вечер идиотами.

Она села напротив. Мы заказали рыбу, горячее и бутылку хорошего вина. Влада рассказывала о своей семье, о том, как в прошлом году чуть не вылетела с факультета за драку с наследницей мелкого рода, и как после этого решила больше не поддаваться на прямые провокации.

— Получилось? — спросил я.

— Три месяца продержалась.

— Великолепный результат. У меня рекорд несколько меньше.

— Сомневаюсь, что ты считаешь.

— Я вообще предпочитаю считать деньги. Они в отличие от людей редко обижаются на результат.

Она засмеялась, но затем разговор незаметно стал серьёзнее. Влада спросила про детский дом. Я ответил без особой подробности: Тверь, государственное учреждение, друзья, с которыми не спешил расставаться, и удивительная способность взрослых людей уверять детей, что впереди их ждёт прекрасное будущее, пока сами взрослые обсуждают недостачу продуктов.

— Ты всегда так об этом говоришь? — спросила она.

— Как?

— Будто вспоминаешь не собственную жизнь, а чужой отчёт.

Я на секунду задержал бокал у губ. Вопрос оказался неожиданно точным. Но девушке совершенно незачем было знать, насколько он точен .

— Хороший отчёт должен быть коротким, — сказал я. — И желательно с премией по итогам года.

Она не стала допытываться. За это я её и оценил ещё выше. Умение вовремя оставить вопрос в покое — качество редкое, почти вымирающее.

После ужина мы поехали на закрытую студенческую вечеринку. Её устраивал молодой человек из богатой купеческой семьи, который снимал два верхних этажа небольшой гостиницы исключительно ради возможности доказать окружающим, что его родители владеют

правильным количеством заводов. Заведение находилось в центре, недалеко от набережной. Музыка гремела так, что стены едва заметно вибрировали, на барной стойке плавали в воздухе бокалы, а в углу двое студентов спорили, какой из их прадедов сделал больше для Империи. Сторонний наблюдатель легко принял бы происходящее за заседание исторического общества после отравления алкоголем.

Руслан обнаружился возле танцпола с Катей. Марфа и Полина разговаривали с тремя старшекурсницами у открытой террасы. Одна держала в руке крошечный огненный шар, освещавший лица мягким светом; другая тут же заставила его погаснуть, когда мимо прошёл сотрудник охраны. Академические правила распространялись и сюда — ровно до первого отсутствия преподавателей.

— Не ищи неприятностей, — сказала Влада, касаясь моего локтя.

— Зачем искать то, что обычно само меня находит?

— Это и пугает.

Я обнял её и повёл танцевать. Следующий час оказался на редкость приятным. Громкая музыка, хорошее вино, тёплые руки на шее, девушки, которым было интереснее смеяться, чем изображать герцогинь на аудиенции. Я почти успел забыть, что у меня есть собственный криминальный сериал с московским финансированием.

Почти.

У террасы стоял человек в сером пиджаке. На вид лет тридцать. Не студент, не охранник заведения, не официант. Он смотрел не на гостей, а на вход и периодически трогал гарнитуру под воротником. Когда я повернул голову, мужчина отвёл взгляд слишком быстро.

Я не стал на него смотреть повторно. Заказал воды, поцеловал Владу, выслушал ужасную историю Кати о преподавателе истории императорских родов и только потом пошёл на террасу, где обнаружил вторую пару глаз. Другой мужчина стоял у лестничного выхода и держал телефон горизонтально, будто снимал город. Объектив смотрел на меня.

Какая прелесть. Вечером у людей, похоже, была оплачена весьма скучная работа.

— Ты о чём задумался? — спросила Влада, появившись рядом.

— О том, насколько странные профессии существуют в нашей стране. Представь, кто-то получает деньги, чтобы смотреть на чужую вечеринку и не танцевать.

Она проследила за моим взглядом и заметила мужчину у лестницы.

— Знаешь его?

— Нет. А он, кажется, очень хочет познакомиться. Не будем портить человеку карьеру.

Влада изучила моё лицо.

— Ты опять влип?

— Влипают в грязь. У меня пока всё очень чисто. Даже ботинки.

Я вернулся в зал. Дальше вечер шёл своим чередом. Находчивый студент попытался устроить конкурс огненных фигур, за что получил стакан воды от девушки, у которой подпалилась причёска. Двое наследников проиграли друг другу крупную сумму в карточной игре и полчаса спорили, кто из них был более благороден при проигрыше. Я выиграл у Руслана партию в электронный бильярд, проиграл Кате танцевальный спор и с удовольствием согласился на второй.

К полуночи Влада заметно расслабилась. У окна она притянула меня к себе, поцеловала, потом негромко сказала:

— Ты не обязан рассказывать, чем занимаешься вне академии. Но если собираешься привезти это к моим друзьям, предупреждай заранее.

— Понимаю. Лишние зрители портят даже хорошее представление.

— Я серьёзно, Демьян.

— Я тоже. Вас мои дела не касаются. И лучше, чтобы так оставалось.

В ответ она провела пальцем по моему подбородку, будто проверяя, насколько крепко там держится наглость.

— С тобой ужасно неудобно.

— Зато я умею выбирать рестораны. И не вру, когда это важно.

— К сожалению, второе пока не проверено.

Ночь закончилась у неё. Без громких обещаний, разговоров о вечной любви и прочей романтической бухгалтерии. Утром мы вместе пили кофе на маленькой кухне и спорили, имеет ли право человек в выходной просыпаться раньше полудня. Я утверждал, что это нарушение естественного порядка; Влада возражала, потому что ей предстояла тренировка.

— Ты пойдёшь? — спросила она.

— Посмотреть, как тебя бьют? От такой культурной программы грех отказаться.

— Тогда не вмешивайся.

— Даже если начнёшь выигрывать?

Она рассмеялась и запустила в меня полотенцем. Хорошее утро. Особенно с учётом того, что никто не требовал срочно спасать мир.

Телефон, как водится, придерживался другого мнения.

Ирина прислала два коротких сообщения: «За вами наблюдают. Двое на вечеринке, один на стоянке». Второе: «Мальцев. Подтверждено московское руководство Кромки. Контакты через посредника, связанного с подрядчиком Берестовых. Прямых поручений рода пока нет».

Ответил: «Наблюдение не трогать. Пробить транспорт. Сотрудников не выводить наружу без необходимости».

Потом вернулся к завтраку. Не видел смысла портить хорошее утро из-за чужого любопытства.

* * *

Москва. Кабинет Мальцева.

— Вы велели наблюдать, — сказал Виктор. — Мы наблюдаем.

Мальцев откинулся в кресле и внимательно посмотрел на фотографии. Молодой Ильин танцевал, целовал девушку, смеялся над чем-то за столом, а затем выходил на балкон. На нескольких снимках он оказался рядом с двумя студентами. Ни оружия, ни охраны, ни привычных признаков страха.

— Видит их, — произнёс Мальцев.

— Откуда вы знаете?

— Потому что один раз посмотрел прямо в камеру и больше ни разу. Не шевелите моих людей без приказа. Узнайте, что за компания у него, но не приближайтесь.

— Может, проще взять девушку?

Мальцев медленно положил фотографию на стол.

— Виктор, ты хочешь выяснить, насколько сильно этот мальчишка умеет злиться, используя моих людей вместо измерительных приборов?

— Я предлагаю ускорить решение вопроса.

— Тогда ускорь добычу сведений. А женщину оставь в покое. У нас заказ на оборудование, а не на массовое самоубийство.

Виктор выслушал и ушёл. На лестнице его догнал начальник наружного наблюдения, плотный мужчина с короткой бородой.

— Слышал? — спросил тот. — Опять приказали ничего не делать.

— Приказали думать.

— Это ты любишь. Я бы привёз щенка в багажнике, отрезал ему уши, и герой сам прибежал бы на встречу. Дальше дело техники.

Виктор остановился.

— Сначала доживи до утра, Гена. И не вздумай трогать студента без разрешения Мальцева.

Гена усмехнулся. Он служил в «Кромке» достаточно долго, чтобы считать осторожность разновидностью слабости. В Твери погиб Климов, которого он презирал. А теперь вся московская сеть плясала перед каким-то безродным мальчишкой. Ему это не нравилось.

В тот же вечер Гена дал двум людям адрес машины Ильина и велел устроить «разговор». Виктор об этом не узнал.

* * *

На следующее утро Ордынцев действительно заставил меня тренироваться. Восемь раз подряд. К исходу восьмой попытки я наконец сумел зацепить его защиту так, чтобы он потерял равновесие. Победой это не было: через секунду я лежал на матах, а он стоял надо мной с довольным видом.

— Вот теперь есть прогресс, — сказал он.

— Видимо, у вас очень низкие требования к друзьям.

— Ты меня уже записал в друзья?

— После восьми избиений подряд у нас образовалась довольно близкая связь.

Он рассмеялся. На обратном пути я заехал в город один. Встреча с Черкасовым оставила мне список простых контрольных упражнений и обещание, что когда я научусь выполнять их без головной боли, мы обсудим более сложные формы. Полезно. Почти столь же полезно, как вовремя поесть.

Машину оставил возле небольшого магазина в переулке. Вечер был тёплым для осени, пахло сырой листвой и горячим хлебом. Я купил кофе и две булочки с мясом, потому что академическая столовая по-прежнему считала мясом ингредиент, который следует искать под микроскопом. Уселся за руль и заметил в зеркале белый фургон.

Номер у него сменился с утреннего наблюдения, но наклейку на заднем стекле хозяева забыли. Маленькая чёрная чайка с красной точкой. Безвкусица исключительная. Особенно для людей, рассчитывающих оставаться незаметными.

Я тронулся, проехал два перекрёстка и остановился возле пустой сервисной площадки, где раньше грузили овощи. Белый фургон последовал за мной. Из него вышли трое. Один держал накопитель в ладони, другой — короткую дубинку, третий улыбался как человек, которому обещали премию за успешное воспитание молодёжи.

Вот и познакомились.

— Ильин! — крикнул улыбающийся. — Есть разговор.

— Поздравляю. У меня тоже. Только мой короткий.

Он шагнул ближе.

— Ты убил наших людей в Твери. Думаешь, без последствий?

— Кого именно? У меня память на невежливых людей, к сожалению, не безгранична.

Лицо его перекосилось. Накопитель в руке второго загорелся тусклым красным светом. Не армейский прибор — кустарная сборка, вероятно, рассчитанная на один сильный разряд. Дрянь опасная прежде всего для самого владельца, но доказывать ему это я не собирался.

Первым ударил он. Огненная плеть сорвалась с наконечника и пронеслась над капотом. Я успел уйти за бетонную тумбу, почувствовал жар по щеке и пустил вдоль земли короткую волну воды. Она ударила второго под колени. Тот рухнул, выронил накопитель; красный огонёк исчез.

Улыбающийся достал пистолет. Я уже видел движение его руки. Каменная пластина выросла между нами за мгновение до первого выстрела. Пуля раскрошила край. Вторая прошла выше. Я ударил сбоку узким ледяным клином. Мужчину развернуло, он выронил оружие и повалился на бок.

Третий, с дубинкой, оказался быстрее остальных. Не маг. Просто крепкий парень, знавший, как бросаться на человека, когда тот занят защитой. Дубинка ударила по каменной пластине. Я сместился, но тело подвело: запоздал на полшага. Удар пришёлся по плечу. Боль простреляла руку до пальцев.

— Сука, — выдохнул я. — Ну зачем же по больному?

Он попытался ударить снова. Я встретил его ближе, чем следовало, перенёс вес и вложил в короткий удар весь доступный импульс. Парень рухнул, ударившись затылком о бампер. Глаза остались открытыми. Дышать перестал.

Источнику не понравилась трата. В груди похолодело, пальцы на секунду утратили чувствительность. Маг я пока был маленький, даже если привычки сохранились от человека, у которого когда-то не возникало проблем с подобными прогулками.

Первый ещё шевелился. Схватился здоровой рукой за собственный бок, с трудом перевернулся. Я подошёл и убрал из его досягаемости пистолет.

— Кто прислал?

— Пошёл ты...

— С удовольствием, как только закончим деловую часть.

Он плюнул кровью и попытался потянуться к карману. Я наступил ему на кисть. Никакой трагедии: у человека оставалась вторая рука и вполне рабочий язык.

— Не Мальцев, — прохрипел он наконец. — Гена. Гена хотел поговорить. Сказать, кто здесь хозяин.

— Фамилия?

— Буров. Геннадий Буров. Я всё сказал!

— Где его найти?

Он назвал автомойку на Варшавском шоссе и небольшой офис в здании бывшего автосервиса. Сказал ещё, что Гена ведёт часть силовой группы и считает себя будущим начальником всей московской «Кромки». Амбиции иногда делают из человека прекрасный справочник.

Я записал адреса. Спросил, знает ли Мальцев. Мужчина покачал головой с такой поспешностью, что я поверил.

— Пожалуйста, — выдохнул он, — я всё рассказал.

— Верю.

Последовавший удар был коротким. Второй свидетель оказался мёртв ещё до моего возвращения к нему: упал неудачно, разбил голову об край бетона. Я осмотрел собственное плечо, подобрал из-под колеса один из своих пакетов с едой и вздохнул. Булочка размокла в луже.

Вот это действительно было обидно.

На камерах сервисной площадки не светилось ни одного работающего индикатора; сама она стояла под снос. Но я не собирался считать отсутствие камер доказательством отсутствия свидетелей. Позвонил Ирине, передал фамилию Бурова, сказал не ехать сюда самой. Затем вызвал Волкова и сообщил о нападении вооружённых людей на мою машину. Без красочных подробностей: полковнику хватало работы и без литературных талантов очевидцев.

— Ильин, — устало произнёс он, — когда-нибудь у тебя будет обычная неделя?

— Обязательно. Как только перестанут портить мои ужины.

— Где ты?

Я назвал адрес. Дальше вопросами занялись люди, которым за них платили.

В академию я вернулся поздно. Марфа сидела в общей гостиной и читала конспект. Увидела моё плечо, нахмурилась.

— Опять?

— Московские дороги. Суровые условия эксплуатации.

— Ты хотя бы врачу показался?

— Полковнику позвонил. Он пообещал прислать специалистов.

— Демьян, я про плечо.

— Оно по-прежнему при мне. Но ради тебя схожу в медпункт.

Она долго смотрела на меня. Потом закрыла конспект и ушла спать. Умная девушка. В один прекрасный день она перестанет пытаться выяснить, почему я не похож на нормального первокурсника, и заживёт удивительно спокойно.

* * *

Москва. Полночь.

Мальцев смотрел на фотографии белого фургона. Машина стояла поперёк сервисной площадки, дверь открыта, салон пуст. Возле бетонной тумбы лежали тела. Несколько человек в форме городских служб фиксировали повреждения.

— Я приказал не трогать Ильина, — произнёс он.

Виктор стоял напротив и молчал.

— Значит, кто-то решил, что его умнее меня обучили командовать?

— Буров.

Мальцев отложил фотографии.

— Привези Бурова. Живым. Мне необходимо объяснить ему разницу между инициативой и самовольной попыткой оставить организацию без людей.

— А с Ильиным?

— С ним я пока хочу поговорить. По телефону. И без людей, у которых вместо мозга служебная дубинка.

Мальцев поднялся к окну. Ночью над Москвой загоралось так много огней, что трудно было разглядеть звёзды. Где-то там безродный студент спокойно возвращался в общежитие после очередной расправы.

Человек без поддержки большого рода, без крупного личного резерва, без официальной охраны. Всё это было правдой.

Но правда, как выяснилось, не всегда помогала выжить.

Глава 4. Учения отменяются смертью

После ночного нападения прошло двое суток. Я успел сходить в медпункт, отсидеть занятия и провести вечер с Владой. А потом на телефоне появился номер Мальцева. Кажется, некоторые люди считают, что студенты обязаны принимать деловые звонки даже за завтраком.

С Мальцевым вышло интереснее.

Звонил он вежливо, без угроз и попыток изображать человека, способного отменить законы природы собственным приказом.

— Демьян Ильин? Евгений Сергеевич Мальцев. Полагаю, вы уже слышали обо мне.

— Слышал. Много хорошего. Особенно о методах подбора персонала.

На другом конце провода помолчали.

— Вчерашнее нападение произошло без моего ведома.

— В таком случае у вас проблемы с дисциплиной. Я бы рекомендовал пересмотреть систему премирования.

— Я намерен это сделать. Климов был человеком, которого я знал. Он совершил ошибку, попытался решить коммерческий вопрос насилием. Мне жаль, что ситуация дошла до такого.

— Ему, думаю, тоже было жаль. В конце разговора он даже проявлял удивительную готовность к сотрудничеству.

Мальцев не отреагировал на тон. Хорошо. Наконец-то человек, которому не требовалось дважды объяснять, что разговор — не соревнование по громкости.

— У нас с вами нет личных причин продолжать конфликт, — сказал он. — Предлагаю встретиться и обсудить условия прекращения претензий.

— Претензий ко мне?

— Взаимных. Я понимаю, что вы защищаете интересы компании. У меня тоже есть обязательства перед заказчиками.

— Ваша ошибка в том, Евгений Сергеевич, что вы считаете меня участником коммерческого спора. Я вообще не люблю спорить. Особенно с людьми, которые считают взлом склада альтернативой переговорам.

— Тогда что вы предлагаете?

— Для начала не пытаться давить на моих сотрудников. Потом убрать своих наблюдателей из числа гостей студенческих вечеринок. Они сильно портят атмосферу. Остальное обсудим, когда я удостоверюсь, что у ваших подчинённых есть способность понимать простые слова.

Мальцев коротко выдохнул.

— Вы весьма уверены в себе для человека вашего возраста.

— Возраст — вещь обманчивая. Некоторые до старости так и не научились пользоваться головой.

— Я передам распоряжение. Думаю, мы ещё поговорим.

— Непременно. Только в следующий раз постарайтесь не присылать вместо телефона троих идиотов. Слушать вас гораздо приятнее.

Звонок закончился. Я отложил аппарат, посмотрел на Владу, которая лежала рядом и с плохо скрываемым интересом прислушивалась к разговору, и поинтересовался, не хочет ли она завтрак.

— Кто это был? — спросила она.

— Поставщик образовательных услуг. Предлагал ускоренный курс общения с неприятными людьми.

— Демьян.

— Да, дорогая?

— Ты хоть иногда говоришь серьёзно?

— Конечно. Например, сейчас совершенно серьёзно утверждаю, что хочу завтрак. Желательно яичницу и хороший кофе.

Она недовольно швырнула в меня подушку, потом рассмеялась. Прекрасное качество женщины — не путать личную симпатию с обязанностью одобрять каждый твой поступок. Влада могла спорить, ругаться и не отвечать на звонки, когда я слишком ей надоедал. Собственно, именно поэтому мне и нравилось проводить с ней время.

В четверг я явился в академию с двумя целыми руками, несколькими синяками и искренним намерением провести день без уголовных происшествий. Увы, подобные планы местная система образования рассматривала как прямой вызов.

На утреннем построении выяснилось, что всех первокурсников и часть второго курса отправляют на совместные тактические учения. Проходить они должны были в старом техническом секторе — комплексе зданий за главным полигоном. Когда-то там стояли исследовательские мастерские и испытательные камеры. Теперь корпуса переоборудовали под тренировочный городок с узкими переходами, подземными галереями, лестницами и раздвижными перегородками. Идеальное место, чтобы научить студентов коллективно погибать в неудобных условиях.

— Не нравится мне твоя улыбка, — сказала Марфа, когда мы получали учебные накопители.

— А мне нравится. Прекрасная улыбка, ничего лишнего.

— Ты радуешься учениям.

— Я радуюсь, что хоть что-то сегодня не потребует написания отчёта на двадцать страниц.

— Отчёт потребуется после учений.

Я посмотрел на неё с искренним огорчением.

— Зачем ты портишь людям последние минуты счастья?

Руслан проверил крепление защитной пластины, потом протянул мне запасной учебный накопитель.

— Твой вчера заменили. На стенде показал скачок напряжения.

Я взвесил прибор в ладони и вернул.

— Этот тоже не нравится. Корпус нагревается неравномерно.

— Они же учебные. Мощность ограничена.

— Чем больше на приборе надписей «безопасно», тем внимательнее я проверяю, кто их написал.

Марфа покачала головой, но в итоге сама обратилась к технику. Тот снял прибор со стенда, посмотрел показатели и недовольно потёр лоб.

— Перегретый контакт. Заберу. Вам другой.

— Вот видишь, — сказал я Руслану. — Иногда паранойя экономит деньги на похоронах.

— Ты можешь хоть раз назвать это осторожностью?

— Могу. Но тогда придётся объяснять, почему у меня её так много.

На плацу нас встретил полковник Стахов. Высокий, седой, с лицом человека, который давно перестал путать молодость с невиновностью. Рядом стоял Мещерский и несколько военных инструкторов. Они распределяли студентов по группам, сверяли связи, объясняли, где будут имитироваться раненые и на каких участках запрещены тяжёлые стихии.

Стахов говорил коротко:

— Учебная задача — вывести условно раненных из административного корпуса в безопасную зону. Командиры групп назначены. Никакой инициативы, если она разрушает взаимодействие. Кто потерял связь — останавливается и докладывает. Кто решил проверить, насколько крепка чужая голова, выбывает из программы и знакомится с дисциплинарной комиссией.

Кто-то из студентов недовольно засопел. Полковник повернулся на звук.

— Вопросы?

— А если условный противник не подчинится правилам? — спросил я.

Стахов посмотрел на меня.

— Тогда объясните ему, что он условный.

— Прекрасно. Люблю людей с реалистичным взглядом на жизнь.

Он не улыбнулся. Но и выгонять меня не стал.

Нашей группой назначили командовать Северина Платонова. Решение меня даже обрадовало: парень явно умел следовать плану и не испытывал болезненной потребности доказывать собственное превосходство криком. Рядом с ним поставили Руслана, Марфу, меня и ещё шестерых первокурсников, включая связистку Соню Соколову, которую все звали просто Соколом. Ордынцев работал с другой группой на верхних ярусах; Влада вела звено старшекурсников, изображавших оборону.

— У нас задача пройти через южный подъезд, забрать троих условно раненых и вывести, — сказал Платонов, показывая схему. — Ильин, вы работаете позади Руслана. Не обгоняете ведущего без команды.

— А если ведущего съедят?

— Тогда примете его сектор. И прекратите шутить.

— Первое возможно. Второе не обещаю.

Он посмотрел на меня так, будто уже жалел об утверждении состава. Я ответил самой дружелюбной улыбкой. Люди с чувством долга иногда слишком буквально воспринимали правила.

* * *

Первые двадцать минут оказались скучными. Мы прошли по бетонному коридору, отбили три учебные атаки с боковых площадок, подобрали двух манекенов, изображавших раненых, и почти добрались до лестницы. Платонов уверенно командовал; Руслан держал защиту, Марфа управляла металлическими створками, а мне оставили правый сектор. Видимо, боялись, что без постоянного задания я займусь чем-нибудь антиобщественным.

На втором этаже нам устроили засаду. Из-за перегородки одновременно ударили два учебных заряда, сверху посыпались световые метки. Руслан поставил щит вовремя; я вытянул вдоль пола воду, заставив учебных атакующих отступить с мокрыми ногами, а Марфа захлопнула перегородку прямо перед их носами.

— Ильин, — сказал Платонов по внутренней связи, — воду убрать. Мы сами пойдём здесь через минуту.

— Вы ужасно портите мне удовольствие от творчества.

— Уберите.

Я убрал. Платонов оказался прав: через минуту мы действительно пересекли коридор. Приятно, когда начальство заранее знает, куда собирается идти.

За лестницей пахло сырой штукатуркой и старой краской. На стенах висели таблички с названиями помещений: «Стабилизатор», «Служебный тоннель», «Технический архив». В дальнем проходе горела жёлтая учебная лампа. Кто-то шептал по рации, кто-то переставлял манекен. Обычная суета больших учений.

Я первым заметил, что железная решётка под потолком дрожит не в такт вибрации учебных механизмов. Лёгкое движение, затем ещё одно. Что-то тяжёлое двигалось в вентиляционной полости.

— Платонов, над проходом, — сказал я.

— Это постановочный шум. По сценарию...

— По сценарию у него не должно быть собственного дыхания.

В этот момент из решётки вылетела тёмная капля, упала мне на рукав и прожгла маленькое отверстие в ткани. Запахло тухлой медью.

Я шагнул назад.

— Всем остановиться. Это не учения.

Платонов успел поднять глаза. Решётка выгнулась наружу и рухнула, ударившись о пол. За ней появилась голова, длинная, сплюснутая, с двумя рядами мелких зубов. Существо было размером с крупную собаку, но двигалось так, будто в позвоночнике у него вовсе не было костей. Четыре суставчатые лапы впились в стену, и оно рвануло к ближайшему студенту.

Учебный выстрел попал твари в плечо. Она даже не заметила.

— Боевые! — заорал я. — Настоящие твари! Отход к лестнице!

Платонов не стал выяснять, кто нарушил порядок командования. В ту же секунду его голос стал другим — без обид и академической торжественности.

— Руслан, щит! Марфа, створку закрыть! Сокол, связь с командным пунктом. Остальные назад, парами! Ильин, правый проход за тобой!

Существо ударилось в металлическую створку раньше, чем Марфа успела её запереть. Рама прогнулась, посыпались искры. Я пустил в зазор короткую струю пламени. Тварь взвизгнула, отдёрнула лапу и отскочила на стену. Огня ей не понравилось; я отметил это за долю секунды до нового прыжка.

Следом пустил тяжёлую каменную плиту — не острие, а ударную массу. Удар сбил существо с поверхности, но не остановил. Оно развернулось в воздухе, раскрыло пасть и бросилось прямо на меня.

Подставлять голову под зубы мне не хотелось. Я сдвинулся влево, поставил узкую ледяную перегородку и услышал, как когти с визгом разрезают её край. Тварь проскользила мимо,

врезалась в металлическую стойку. На секунду открылась мягкая область под передней лапой. Вогнал туда короткий ледяной шип.

Дёрнулась. Упала. Попробовала встать — и получила второй шип в основание черепа.

— Вторая! — крикнул Руслан.

Из вентиляции уже лезло следующее существо, крупнее первого. На его спине торчали костяные пластины, а вместо передних лап тянулись две длинные режущие перепонки. Я видел, как оно расправляет их перед прыжком, и успел понять, почему местная учебная программа раньше требовала не подходить близко к неизвестным видам фауны.

— Не подпускать! — сказал я.

Руслан ударил воздухом. Тварь наклонилась, словно споткнулась, но тут же ухватилась за потолочную балку. Марфа пустила в неё металлический круг. Он зацепил перепонку, разорвал её край и застрял в балке. Существо взвыло и прыгнуло вниз — туда, где секундой раньше стояла студентка с учебной аптечкой.

Я толкнул девушку в сторону коротким воздушным ударом. Через мгновение там, где находилась её голова, ударили режущие лапы.

В ответ я послал по полу волну воды, приподнял её перед тварью и ударил через неё разрядом молнии. Электрическая вспышка была слабой — на полноценную убийственную технику у меня не хватило бы резерва. Но зверя свело судорогой. Он врезался в колонну, ударил по ней перепонкой и рухнул на бок.

— Теперь! — крикнул Платонов.

Сразу два учебных мага, нарушив ограничения мощности, добили существо совместным залпом каменных осколков. Оно затихло.

Коридор заполнился запахом палёного хитина и озона. Сверху посыпалась штукатурка. Где-то далеко закричали люди. Не условно, не для красоты сценария. Так кричат, когда человеку действительно больно.

— Командный пост не отвечает, — сообщила девушка-связист. — Линия забита, никто не подтверждает отмену учений.

— Аварийный канал, — приказал Платонов. — Код реального прорыва, повторять до приёма.

За перегородкой что-то тяжёлое ударило в стену. Камень треснул. Я посмотрел на остаток собственного резерва и невольно поморщился. Мы ещё даже не приступили к нормальному отступлению, а тратить энергию пришлось с такой щедростью, будто завтра источники раздавали бесплатно.

— Здесь нельзя оставаться, — сказал я. — Твари идут по вентиляции. Отступаем к открытой лестнице, там больше пространства.

— Там условные раненые, — возразил один из студентов.

— Тогда пусть условно встают и идут. Манекены умеют терпеть.

Платонов отдал приказ. Группа двинулась назад, сохраняя строй. Поначалу я даже удивился, насколько хорошо сработала учебная дисциплина: без давки, без криков, каждый держал свой сектор. Правда, удивление длилось недолго.

У поворота зазвенело стекло. Из служебной комнаты вылетела третья тварь — узкая, лысая, с лапами, которые складывались вдвое, как у огромного паука. Она прыгнула на юношу из хозяйственного отделения, шедшего позади Марфы. Парень не успел даже поднять руки. Существо сбило его с ног, челюсти сомкнулись у горла.

Кто-то закричал. Я видел, как Руслан дёрнулся вперёд. Ухватил его за ворот.

— Назад. У него уже нет горла.

— Но...

— Назад, сказал.

Я ударил огнём по твари, не жалея учебного покрытия. Пламя разошлось по шершавой спине, зверь сорвался с тела и бросился к нам. Марфа подняла металлическую решётку прямо у его морды. Когти прошили металл насквозь, но задержали движение на долю секунды. Этого хватило, чтобы я отправил тяжёлый каменный снаряд туда, где между пластинами открывалась шея.

Снаряд ударил, пробил сустав и вмял голову в пол. Тварь перестала двигаться.

Парень лежал у двери. Я даже не подошёл. По цвету пола вокруг было понятно, что врачам там делать нечего.

— Дальше, — сказал я.

Группа двинулась. Руслан некоторое время шёл молча. Он был бледен. Я оставил его в покое: некоторым людям требуется время, чтобы перестать слышать чужой последний вдох. Мне это время не требовалось.

На главной лестнице мы столкнулись с другой группой. У одного студента была располосована рука, девушка с обожжённой щекой держала его под плечо, ещё двое тащили манекен — по инерции, видимо, забыв, что вокруг началось настоящее веселье. Сверху спускался Ордынцев с двумя старшекурсниками. Его правая щека была в крови, но двигался он нормально.

— В боковом корпусе ещё люди, — сказал он Платонову. — По связи проходит, что основной выход открыт. Придержите здесь проход, мы заберём оставшихся.

Платонов посмотрел на повреждённую лестницу. С другой стороны за дверью гремели удары.

— Удержим две минуты, не больше.

— Хватит.

Ордынцев ушёл наверх. Я проводил его взглядом. Некоторые люди любят риск, когда за него ничего не дают. Ордынцев был из тех, кто иногда рисковал ради других. Его дело. Он по крайней мере понимал, чем рискует.

Мы выставили два щита на площадке. Руслан прикрывал лестницу, Марфа удерживала металлическую створку, я сторожил боковой коридор, а Платонов руководил отходом раненых. По камню цокали когти. За дверью возились несколько тварей. Я различал дыхание и слабый скрежет пластин. Похоже, за нами собралась целая небольшая компания.

— Ильин, — сказал Платонов, — сколько выдержите?

— Один хороший удар. Два посредственных. Дальше начнём брать кредит у судьбы.

— Без шуток.

— Без шуток: резерв почти пуст. У Руслана тоже. Находите выход.

Он кивнул. Через минуту Ордынцев вернулся, поддерживая раненого юношу. За ним шла Влада с женщиной-преподавателем, у которой была перевязана голова.

— Последние с верхнего этажа, — сказала Влада. — Остальные ушли по запасной лестнице.

Я заметил у неё тёмную полосу крови на рукаве. Не её. Хорошо.

— Не вовремя ты решил устроить экскурсию, — сказал я.

— Я как раз собиралась посмотреть, как ты работаешь на учениях. Ты умудрился превратить их в настоящие?

— Пытаюсь повысить качество образования.

Она не рассмеялась, но глазами показала, что услышала. Потом помогла раненой преподавательнице спуститься ниже.

Дверь слева сорвало с петель. Из проёма хлынули две твари, а за ними показался массивный силуэт третьей — шире человеческого плеча, с костяным выступом на лбу. Мелкие прыгнули одновременно. Я поставил по диагонали короткую стену, перекрывая первую траекторию, Ордынцев сбил вторую плоским водяным ударом. Платонов дал команду отходить.

Тяжёлое существо протаранило каменную преграду так, будто та была сделана из мокрого картона. Осколки разлетелись. Меня ударило по плечу, и мир на мгновение стал очень белым.

Резерв ушёл почти до дна. Защитить людей снова я уже не мог. Да и желания тратить остатки на всех подряд не испытывал.

— Шевелитесь! — рявкнул я.

Сверху пронёсся глухой удар. На площадке возникла широкая ледяная плита. Тяжёлая тварь налетела на неё, ударилась лбом и замерла. Следом из дыма вышел мужчина в армейской форме. У него на рукаве светился знак Адепта. Он не кричал, не спрашивал, почему студенты оказались здесь. Просто указал на лестницу.

— Вниз. Быстро. По двое. Кто может идти сам — не мешает носилкам.

Мы выполнили приказ. За спиной прозвучало два коротких хлопка. Я оглянулся ровно настолько, чтобы увидеть, как инструктор сначала сжигает мелкую тварь направленным огнём, а затем вгоняет в тяжёлую узкий металлический шип. Идеально экономная работа. Не красивее нашей, зато значительно эффективнее.

Когда последний студент исчез за поворотом, инструктор отошёл, удерживая ледяную стену. Щит погас только после того, как за ним опустилась броневая перегородка.

— Теперь все на улицу, — распорядился он. — И не останавливаться у дверей!

А вот это было самое мудрое замечание дня.

* * *

Снаружи творилось то, что журналисты обычно называли «сложной обстановкой». В этот раз — хуже. Над техническим корпусом поднимался дым. По территории двигались бронемашины ИСАК, под ногами скрипело разбитое стекло, у северных ворот стояли медики. Кто-то из студентов плакал. Кто-то просто смотрел на собственные руки. На носилках мимо пронесли человека с закрытым лицом. Слишком поздно спрашивать, жив ли он.

Полковник Стахов стоял у временного командного пункта. Лицо у него было неподвижным; по тому, как быстро люди выполняли приказы, я понял, что командует он уже давно и не привык тратить слова на тех, кто не понимает первого раза. Рядом офицер связи сверял списки групп.

— Девятый сектор очищен! — доложил боец.

— Проверить повторно, вентиляцию отдельно, — ответил Стахов. — Контур не включать до подтверждения сапёров. Где Мещерский?

— На восточном выходе, у медиков.

Стахов повернулся к прибывшим студентам:

— Все, кто может стоять, направо. Кто ранен — к санитарным машинам. Никто из группы не расходится без записи. Не заставляйте нас разыскивать вас по паркам.

Я показал медсестре плечо. Та сдвинула куртку, осмотрела распухшую мышцу и велела садиться. Крови почти не было, зато рука поднималась с ощутимым сопротивлением. Врач пустила вдоль кожи тонкую зелёную полосу света, затем нахмурилась.

— Ушиб, надрыв волокон. Три дня без тяжёлых нагрузок.

— А если тяжёлые нагрузки будут очень настойчивы?

— Тогда получите полноценный разрыв и неделю на больничной койке.

— Вы умеете убеждать.

Она заклеила повреждение лечебной пластиной и отправила на повторный осмотр утром. Магия ускоряла восстановление, но не делала из меня новую руку по щелчку пальцев. Разумное ограничение. Иначе люди вроде меня перестали бы осторожничать окончательно.

Возле санитарной машины сидела Марфа. На запястье у неё была повязка; Руслан стоял рядом и держал стакан воды. Увидев меня, она поднялась.

— Живой.

— Ты вторая за неделю, кто это замечает. Неужели я выгляжу настолько безнадёжно?

— У тебя рукав разорван.

— Мода меняется стремительно.

Руслан молчал. Он смотрел на землю, где засыхала чужая кровь.

— Тот парень, — сказал он наконец. — Ты даже не попробовал подойти.

— Он был мёртв.

— Откуда ты знал?

— Видел.

— А если бы ошибся?

— Значит, ошибся бы. Но тогда мы стояли бы там дольше, и у нас появилась бы возможность проверить это на себе.

Он сжал стакан. Я оставил его с этой мыслью и спросил Марфу, не мешает ли повязка двигать рукой.

Подошла Влада. На щеке у неё было небольшое рассечение, зато улыбалась она вполне искренне.

— Привет, герой.

— Только не говори, что ты теперь считаешь меня благородным спасителем. У меня есть репутация, хотелось бы её сохранить.

— Ты орал на людей так, что они начали двигаться быстрее, — сказала она. — Это помогает. Иногда.

— Считай, что я открыл в себе педагогический талант.

Она посмотрела на Марфу, на Руслана, потом на моё плечо. Ничего не сказала. Только села рядом и взяла меня за здоровую руку. Я не возражал. После настоящего боя хорошая компания и отсутствие новых врагов казались вполне достойным способом провести остаток дня.

К вечеру стало известно число погибших. Два преподавателя, несколько студентов и технический работник, которого нашли первым в служебном тоннеле. Списки ещё уточнялись. Прорыв локализовали, но его источник оставался неизвестен. В техническом корпусе обнаружили разорванный стабилизирующий узел, аномальный след и следы недавнего ремонта. Слишком много совпадений для учреждения, которое вчера гордилось собственной безопасностью.

На общем собрании нам объяснили, что среди погибших оказался один из электриков технической службы, а твари, разорвавшие вентиляционный канал, относились к группе клинокрылов. Нас попросили не распространять фотографии. Кто-то немедленно разместил их в сети. Так в Империи работало общественное сознание: чем страшнее событие, тем быстрее находится человек, которому нужен красивый ракурс.

Я вернулся в общежитие поздно. За дверью пахло кофе; Руслан сидел за столом и пытался переписать отчёт о собственной группе. Сначала у него не получалось, потом он решил начать с конца.

— Хочешь, помогу? — спросил я.

Он покачал головой.

— Сам.

— Как знаешь.

Я переоделся, проверил сообщения от Громовой и Ирины, затем заказал ужин. Компания работала, юристы спорили с поставщиками, а в московской «Серой кромке» после исчезновения Бурова начиналась неприятная кадровая неразбериха. Очень кстати. Пока люди с деньгами ругались между собой, у меня оставалось время учиться.

Засыпая, я ещё раз вспомнил лицо военного инструктора на лестнице и тот короткий металлический шип, которым он закончил бой. Действовал без лишнего движения. Важнее всего, что он сумел удержать силу именно там, где требовалось, не размазав её по стенам.

С таким противником мне пока нечего было делать в честной схватке. Хорошо, что я не собирался устраивать честные схватки по собственному желанию.

* * *

Императорская академия. Комната оперативного разбора. Ночь.

Полковник Стахов выслушал доклад по прорыву, затем некоторое время смотрел на неподвижную схему технического корпуса. Красные отметки показывали места гибели людей, жёлтые — зоны обнаружения тварей, синие — маршруты эвакуации. Схема была слишком аккуратной для случившегося.

— Почему сигнал приняли за учебный? — спросил он.

Офицер связи выпрямился.

— Тревога пришла по общему каналу в момент запуска сценария. Оператор не увидел отдельного подтверждения от технической службы.

— Оператор жив?

— Да.

— Завтра с утра пусть лично объяснит мне, что именно ему требовалось для подтверждения. До этого — отстранить от пульта.

За столом сидел Мещерский. Рядом — представитель службы безопасности академии и ещё один человек в гражданском костюме, которого представили как инспектора по аномальным объектам.

— По группе Платонова, — начал Мещерский, — значительная часть студентов действовала дисциплинированно. Ильин обнаружил первый контакт и предупредил остальных.

— Первым? — переспросил Стахов.

— Да. Хотя официально командовал не он. После этого несколько раз самостоятельно выбирал средство поражения, но приказам об отходе подчинялся. Резерв истощил почти полностью.

— Потери в группе?

— Один студент погиб в боковом коридоре. Ещё двое ранены.

Стахов посмотрел на схему.

— Ильин видел погибшего?

— Видел. Не задержался. Руслан утверждает, что человек мог быть жив. Видеозапись показывает тяжёлое повреждение шеи и повторное нападение твари. Медики считают выживание крайне маловероятным.

— Тогда не будем превращать человека в обвиняемого только за то, что он не стал умирать рядом. Но поинтересуйтесь, откуда первокурсник умеет так быстро принимать решения. У нас там половина второго курса потеряла управление при первой крови.

Мещерский не сразу ответил.

— У Ильина необычная подготовка. И необычный источник. Иногда он действует так, будто слышит команду раньше, чем она прозвучала. Но он не всесилен. В бою несколько раз ошибся, получил травму и едва не остался без резерва.

— Хорошо, — сказал полковник. — Мне больше нравятся бойцы, которые могут ошибаться, чем легенды, которые якобы никогда не ошибаются. С легенд потом нечего спрашивать.

Инспектор развернул отдельный лист.

— Есть ещё один вопрос. Вчера в технический сектор поставили новый блок стабилизации. По документам — обычная замена изношенного узла. Подрядчик частный. Субподрядчик указан только в приложении, которое пока не передано.

Стахов поднял взгляд.

— Название?

— «Темп-Магистраль». Поставки шли через московского посредника.

Мещерский поморщился.

— У них был допуск к защитному контуру?

— К внешнему обслуживанию. Внутренние пломбы должны были оставаться целыми.

— «Должны» — плохое слово, — сказал Стахов. — Особенно рядом с трупами.

Он распорядился изъять документы, проверить весь путь оборудования и временно закрыть доступ подрядчика к академическим объектам. Прежде чем отпустить офицеров, ещё раз посмотрел на список погибших.

— Родственникам сообщить до рассвета. Не через пресс-службу. Лично.

Когда остальные вышли, Мещерский остался у стола. Он смотрел на фамилии студентов и думал не об Ильине, не о рангах и даже не о неиспользованных резервах. Он думал о том, что завтра снова придётся заходить в аудитории, где нескольких молодых лиц уже не будет.

А полковник Стахов смотрел на название подрядчика. «Темп-Магистраль». Слишком обыкновенное для фирмы, через которую в академию могли привезти смерть.

Глава 5. Цена чужой фамилии

Траур в академии проводили с достоинством и плохой организацией. В главном зале играла тихая музыка, на экранах показывали фотографии погибших, а у входа стояли два чиновника, которые никак не могли договориться, чей герб должен находиться выше. Один принадлежал попечительскому совету, второй — княжескому дому, финансировавшему учебный корпус. Я некоторое время наблюдал за спором, после чего решил, что покойникам, пожалуй, повезло: им больше не придётся участвовать в подобных церемониях.

В день заседания комиссии академию заполнили люди, которые раньше здесь не появлялись. К служебному корпусу подъехали автомобили с затемнёнными стёклами; у ворот стояли телохранители, в коридорах пахло дорогими духами и нервным напряжением. Удивительно, как быстро гибель обычного студента превращается в политическое событие, если погибший имеет подходящую фамилию. При этом несколько безродных раненых по-прежнему лежали в обычной больнице, а на их имена не нашлось ни одного дополнительного экипажа охраны.

Я наблюдал за происходящим из окна столовой. Руслан сидел напротив, молча ковыряя вилкой кашу. После прорыва он почти не шутил. Иногда смотрел на дверь, за которой оставили раненого, так, словно надеялся снова услышать крик и успеть ответить. Я не пытался утешать. Человеку нужно самому решить, как ему относиться к тому, что произошло. Руслан выглядел так, словно его раздражала сама возможность нашего спокойного разговора после случившегося.

— Его звали Никита, — неожиданно сказал он. — Тот парень за дверью. Я нашёл фамилию в списке.

— Я видел.

— Ты даже не спросил, из какого он курса.

— Это что-то изменило бы?

Руслан посмотрел на меня долгим взглядом. В нём не было злости, скорее попытка понять то, чего он пока не мог принять.

— Наверное, нет. Но я хотя бы запомню.

— Запоминай. Только не превращай память в повод самому лечь рядом. Погибшие не платят за твою глупость. За неё платят живые.

Он ничего не ответил. Я допил кофе и вышел.

Возле административного корпуса меня остановил незнакомый мужчина в тёмном пальто. Представился представителем семьи погибшего и вежливо попросил уделить пять минут. Я согласился. Мы отошли к пустой скамье. Он не кричал, не обвинял и не пытался производить впечатление силой. Просто спросил, мог ли я спасти Никиту. Я рассказал всё подробно: положение тварей, разрушенный проход, состояние защитников, примерное время на освобождение. Мужчина слушал без единого замечания. Когда закончил, он опустил глаза.

— Значит, вы даже не пробовали.

— Не пробовал. Потому что попытка закончилась бы гибелью остальных. Вам может не нравиться мой выбор. Но другого я не сделаю и в следующий раз.

Мужчина кивнул, поднялся и ушёл. После его ухода я отправился к Мещерскому — разбирать, где именно наша группа потеряла время.

В академии существовало две разновидности правды. Первая записывалась в протоколы: точная, проверенная, удобная для подписания. Вторая передавалась шёпотом между столовой и общежитием. По первой версии, учебный прорыв произошёл вследствие технической неисправности устаревшего оборудования. По второй, кто-то намеренно установил опасный модуль и хотел посмотреть, сколько студентов выживет. Мне не нравилась ни одна. Первая слишком многое объясняла случайностью, вторая не объясняла, зачем кому-то понадобился столь дорогой эксперимент.

Меня пригласили на заседание комиссии к полудню. Пригласили — слишком мягкое слово; Вероника Андреевна сообщила, что отсутствие будет рассматриваться как нарушение дисциплины, и выдала бумагу с длинным названием. Я послушно пришёл, надел чистую рубашку и даже воздержался от желания принести с собой плакат с надписью «Все вопросы к тварям». В большом кабинете уже сидели проректор, два представителя имперского надзора, Мещерский, руководитель службы безопасности и несколько родителей погибших студентов. Разумеется, присутствовали и люди с родовыми кольцами, которые даже в трауре не забывали занимать лучшие места.

На заседании комиссии я наблюдал за представителями нескольких родов. Одни требовали наказать инструкторов, другие — усилить безопасность, третьи предлагали передать охрану академии частной компании. Последние особенно оживлялись при обсуждении финансирования. Человеческое горе иногда служит превосходным аргументом в конкурсах государственных закупок. Достаточно правильно выдержать паузу и сообщить, что безопасность детей не имеет цены. После чего назвать цену, желательно в десять раз выше рыночной.

Вопросы начались нормально: где находился, что видел, какие техники применял, почему отступал. Я отвечал коротко, спокойно, без попыток приукрасить картину. Потом один из советников с мягким голосом поинтересовался, на каком основании я, безродный первокурсник, посоветовал командиру оставить раненого студента в опасной зоне. Я посмотрел на него и спросил, изучал ли он запись боя. Он ответил, что для анализа достаточно свидетельских показаний. Стало ясно: начинается не расследование, а литературный конкурс по сочинению удобной виновности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.